

В ТЕЛЕФИЛЬМЕ «Подвиг души» голос Владимира Орлова читает блоковские стихи-сны:

Приближается звук И,
Покорна щемящему звуку,
Молодеет душа.
И во сне прижимаю к губам
твою прежнюю руку,
Не дыша.

Точно сказано о душе, «покорной щемящему звуку».

На минуту чувствуешь, что хочется идти не за сюжетом рассказа с «годами рождения и смерти». Звучат стихи, и душа медлит, отрешаясь от «сюжета» в раздумье над прекрасным.

Это Блок — с редкостной у него мерой середины, покоя и сдержанности. Даже его плавное — и, как многие говорят, пушкинское — «О доблестях, о подвигах, о славе...» было резче и жестче: «Твое лицо... убрал я со стола» (у Пушкина — «...как дай вам бог любимой быть другим»). Правда, неясный издали голос и милая рука — скупее того, как обычно у Блока являлась «Она»: царевна первой книги, неземная гостья второго тома —

...и веют древними поверьями
ее упругие шелка...
— или Кармен, или же сочно,
по-карменовски нарисо-

ОЧАРОВАННАЯ ДАЛЬ

Заметки о лирике Александра Блока

ванная Катка. Но и здесь звучит Блок, а не кто-то другой.

Это его выбор — чудесного звука, гула, чтобы тронуться в путь; и за туманом заря, розовеющая «от края до края»; и убеждение, что надо будет отдать жизнь.

Все сбывалось в его жизни с особой знаменательностью: и вечное возвращение к «Ней», и замороженные шаги навстречу надвигающемуся гулу, будущему свету в Октябре, и уже в самые последние дни — поворот именно к «Возмездью», где юный герой борется с равнодушными роковыми стихиями. Жизнь отдана; но у гробового входа — новая младая жизнь.

* * *

Точное русское слово о «щемящем» гораздо лучше, чем ныне модная «пронзительность». Здесь выстраданное, а не просто «немнож-

ко нервное». И выстраданное у Блока глубже и теплей мечты ранних стихов: «Душа молчит. В холодном небе Все те же звезды ей горят. Кругом о злате или о хлебе Народы шумные кричат...»

Душа здесь действительно молчит, хотя и внемлет. «Так он писал темно и вяло», можно было бы сказать иногда и не только о нем.

Первая революция испепелила в поэте неземного мечтателя. Тяга в «иное» сохранилась, но через десять лет ею управляют совсем другие размеры.

Да. Так диктует вдохновение:
Моя свободная мечта
Все льнет туда, где унижение,
Где грязь, и мрак, и нищета.
Туда, туда, смиренной,
ниже, —

Оттуда зримей мир иной...
Ты видел ли детей в Париже,
Иль нищих на мосту зимой?
На непротыканный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,

Пока великая гроза
Все не смела в твой
отчизне...

Итак, свободная мечта или диктат неотвратимого? Вопрос, на который Блок отвечал: «То, что я сделал подлинного, сделано мною независимо; т. е. я зависел только от неслучайного».

Найти подлинное нельзя, не делая отбора. Но как Блок относился к подлинному? Он и к нему бывал почти жесток, допуская, что время сделает отбор не просто иной, а еще более строгий...

«Стихи писать мне не нужно, я слишком умею это делать», — замечает Блок в 1916 году, и не шутя. К этому времени был написан «Соловьиный сад»; завершился цикл «Родина». Блок же добавляет: «Надо еще измениться (или... чтобы вокруг изменилось), чтобы вновь... преодолеть матерьял». Вспомним теперь, что велел за «Родины» (1908—1916) — с перерывом в полтора года — были

созданы именно «Двенадцать»

* * *

Путь поэзии Блока: через темноту и «болотистый лес» (иногда мечтаемые) всегда как-то сразу к двум точкам — и к зрелости, и к юности тоже, откуда свет ему был виднее всего.

Поиски света не нужны тому, кто видит его всегда. И в самом Блоке, как он подсказал, дитя добра и света надо искать — за «угрюмством» и иногда леденящим холодом. Пожалеем поэтов и поэтесс, о которых, кроме как «вечное искание», больше сказать нечего. Блок богаче и честнее: искание — отказ от заблуждений, а не их воспроизводство в гордой свободе «вечно искать».

* * *

Казачий офицер Листницкий в «Тихом Доне» во время интимной прогулки с вдовой своего фронтного друга Горчаковой вкрадчиво читает стихи:

И странной близостью
закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный,
И очарованную даль...

Их пути потом разошлись. Здова Горчакова, жена Листницкого, где-то на юге, при отступлении белых, изменила ему; тот застрелился.

Так кончала иная, не блоковская Россия... Он же писал тогда «Интеллигенцию и революцию».

Шолохов указывает на лежак Блока, созданный против воли поэта в вульгарных кругах почитателей, с которым Россия листницких делала шаги к своему концу. Лишь в таком исполнении «Незнакомки» проглядывает «падающий ангел» Бессонов, мастерски изображенный в «Хождении по мукам»; и как-то неуловимо прослушивается будущий Вертинский.

Все эти лики намного серьезнее, чем спеническая версия Блока в образе нервного баскетболиста в черной водолазке. Но какая, однако, разница

любого из этих ликов с простым, мужественным лицом поэта на фотографиях последних октябрьских лет!

* * *

Мужество Блока и в том, что в трудные годы к гибнущему он готов был причислить себя. В «Незнакомке» любитель стихов и завсегдатей ресторана («я знаю: истина в вине»), конечно, не слышал одного — чисто блоковского: оттенка вины и готовности к самопожертвованию.

Уйти от праздного болтающих звал еще Некрасов. Блок вступил на этот путь тогда, когда это было очень трудно и значило очень много. «Не дело художника», — говорил Блок, — смотреть за тем, как исполняется задуманное... Дело художника, обязанность художника — видеть то, что задумано».

* * *

Блок-ребенок когда-то записал в наивный домашний журнал:

«Ночь была темная и вой-на была большая. Много ружей сабель штыков рапир сикир пистолетов револьверов и барабанов просовывалось через тьму. На конце поля битвы стояла избушка...»

Конеч смешной: «Но вдруг огромная бомба разорвала избушку». Но не смешное — главное здесь. Один исследователь заметил: «невольная, неосознанная, детская, но уже гениальная находка» — прорыв через тьму.

Мужественно и осознанно звучат стихи в альбом Пушкинского Дома о пути, пройденном через тьму всерьез:

Что за пламенный дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.

Сине-розовый туман очарованных далей — снова собственно Блок. Само же последнее движение к Пушкину, вплоть до замаячившей в «Возмездии» младой жизни у гробового входа — не поучительно ли оно для всей нашей поэзии.

С. НЕБОЛЬСИН.